224

НОЯБРЬ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 11.

7381

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

1. **Въ горной глуши.** Повѣсть. *Вячеслава Фаусека.* I—XIV. . . . . 1—55
2. **Нѣмецкій крестьянинъ послѣ освобожденія** *Л. С. Зака.* Продолженіе . . . . . 56—88
3. **Еще изъ міра отверженныхъ.** *Л. Мельшина.* VI. На очной ставкѣ.—VII. Герои новой партіи. Открытіе Прони. . . . . 89—119
4. **Мормоны.** (Путевыя впечатлѣнія и замѣтки) *С. Д. Протопопова* . . . . . 120—150
5. **Надъ лиманомъ.** (Изъ записной книжки путешественника). *В. Г. Короленко* I. Некрасовскій корень.—II. Искатели. . . . . 151—186
6. **Голубой цвѣтокъ.** Стихотвореніе. *К. Селаври* . . 187
7. **Жрецы.** Романъ. *К. М. Станюковича.* Продолженіе. 188—208
8. **Среди ночи и льда.** Норвежская полярная экспедиція 1893—1896 г. *Фритіофа Нансена* . . . 209—248

9. **Къ дворянскому вопросу** *В. А.* . . . . . 1—16
10. **Новыя книги:**

Стихотворенія А. А. Грешнера.—А. Осиповичъ. (А. О. Новодворскаго. Собраніе сочиненій.—Ѳедоръ Фальковскій. Веселые звуки.—С. А. Венгеровъ. Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Сборникъ въ память А. С. Гацискаго.—С. Аргамакова. Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки.—Л. Д. Ляховецкій. Характеристика извѣстныхъ русскихъ судебныхъ ораторовъ.—Б. Глинскій. Русское судебное краснорѣчіе.—Народъ и власть въ Византійскомъ государствѣ. В. М. Грибовскаго. Психологія чувствъ. Т. Рибо—Новыя книги, поступившія въ редакцію. . 17—44

См. на оборотѣ.

Digitized by Google

СТРАН.

11. Французская критика. (Письмо изъ Франціи). *Н. К.* 45—78
12. Капиталистическая идиллія. *А. А. Мануилова*. . . 78—93
13. Новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ. *В. А. Мякотина*. 94—115
14. Литература и жизнь. О народничествѣ, діалектическомъ матеріализмѣ, субъективизмѣ и проч.— О страшной силѣ г. Novus'a, о моей рабости и о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ. Н. Н. Златовратскій *Н. К. Михайловскаго* . . . . . 115—139
15. Много ли мужику хлѣба нужно. *А. Пѣшехонова* . . . . 139—152
16. Объявленія.

Digitized by Google

Новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ.

Новыя слова, и въ частности именно новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ, за послѣднее время слышатся въ большомъ количествѣ съ разныхъ сторонъ. Все новое болѣе или менѣе интересно, но, памятуя мудрое правило: «необъятнаго не обымешь», мы въ предѣлахъ настоящей замѣтки собрались говорить лишь о новомъ словѣ, исходящемъ изъ одного опредѣленнаго источника. Прошло нѣсколько лѣтъ съ той поры, какъ въ нашей литературѣ впервые раздался призывъ «идти на выучку къ капитализму», заявленный въ качествѣ боевого клича новаго направленія общественной мысли. Тогда, при первомъ выступленіи своемъ на литературную арену, писатели этого направленія были озабочены, главнымъ образомъ, развитіемъ собственныхъ теоретическихъ взглядомъ и не считали, повидимому, особенно нужнымъ обстоятельно выяснить свое отношеніе къ предшествовавшей имъ русской литературѣ и устанавливать ту или иную тѣсную связь съ нею. Напротивъ, ихъ интересъ къ ней имѣлъ очень односторонній характеръ. Довольствуясь общимъ и достаточно, правду сказать, туманнымъ заявленіемъ, что они служатъ продолжателями стараго западничества, они не искали себѣ ближайшихъ союзниковъ и почти исключительно заняты были полемикой съ несимпатичными имъ направленіями, да и въ ней не шли очень глубоко. Почти всѣ они могли бы повторить о себѣ слова г. Струве, что онъ «не останавливался на историко-литературныхъ деталяхъ, не «рылся» въ старыхъ изданіяхъ» (П. Струве, «Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи», с. 1). Въ немногіе годы, прошедшіе съ той поры, много воды утекло. Первоначальная формула: «пойдемъ на выучку къ капитализму» уже весьма скоро писателемъ того же въ общемъ направленія была признана «очень неосторожной», хотя и вытекшей изъ «благороднаго увлеченія западника» (Бельтовъ, «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію», с. 286—7), а съ пріобрѣтеніемъ даннымъ направленіемъ постояннаго органа въ видѣ журнала «Новое Слово», въ эту формулу частью ея же авторомъ, частью другими лицами были внесены нѣкоторыя, подчасъ очень многозначительныя, поправки. Это не помѣшало, впрочемъ, старой формулѣ и въ неприкосновенномъ видѣ вновь повторяться на страницахъ названнаго органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ органѣ дѣлаются попытки установить въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ связь новаго направленія со старыми литературными теченіями. Не ограничиваясь болѣе одной полемикой съ писателями современными, «Новое Слово» пытается оцѣнить съ новыхъ точекъ зрѣнія и дѣятельность

Digitized by Google

писателей и цѣлыхъ литературныхъ группъ, сошедшихъ уже съ житейской сцены, и, «въ полномъ сознаніи того, что наше время весьма и весьма нуждается въ ретроспективныхъ обозрѣніяхъ и оцѣнкахъ русской жизни», предпринимаетъ рядъ историко-литературныхъ обзоровъ (см. статью г. Novus'a, Н. Слово, апрѣль, II, 37). Намъ, читающему люду, обѣщаютъ показать при этомъ много новаго и любопытнаго. Кое-что въ этомъ направленіи уже и сдѣлано почтеннымъ журналомъ и, судя по появившимся образцамъ, можно и въ самомъ дѣлѣ ожидать много любопытнаго, хотя, пожалуй, и не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ давались обѣщанія. Цѣль настоящей замѣтки и заключается въ томъ, чтобы отмѣтить наиболѣе любопытныя изъ произнесенныхъ уже новыхъ словъ. Почему все-таки новыхъ словъ, а не новаго слова,—это видно будетъ ниже.

Моментомъ, съ котораго начинаются историко-литературные обзоры «Н. Слова», взяты 40-е года и, какъ сейчасъ увидитъ читатель, выборъ этотъ сдѣланъ не случайно. Первымъ болѣе систематическимъ обращеніемъ журнала въ этой эпохѣ, послужила напечатанная въ апрѣльской его книгѣ статья г. Novus'a: «На разныя темы». Въ ней авторъ частью полемизируетъ съ г. Чичеринымъ по поводу его статьи о книгѣ г. Вѣтринскаго: «Грановскій и его время», частью излагаетъ собственныя воззрѣнія на развитіе русской теоретической мысли въ 40-хъ годахъ, причемъ особенно много вниманія удѣляетъ В. П. Боткину. Статья г. Чичерина была въ свое время отмѣчена въ библіографическомъ отдѣлѣ «Р. Богатства» и возвращаться къ ней теперь врядъ ли есть какая-нибудь нужда. Другое дѣло—воззрѣнія самого г. Novus'a на дѣятелей 40-хъ годовъ, воззрѣнія, подчасъ очень интересныя, если не поучительныя. «За всякимъ теоретическимъ обращеніемъ къ прошлому, говоритъ названный авторъ, скрывается задняя мысль практическаго свойства» (34). Это общее правило, очевидно, примѣнимо и къ самому г. Novus'y и на первый взглядъ возможно развѣ лишь удивляться тому, ради какой «мысли практическаго свойства» особенно понадобилась ему фигура именно В. П. Боткина, этого, по выраженію Герцена, «подсолнечника, поворачивающаго свою голову ко всякому свѣтилу», *). Г. Novus такъ любезенъ и предупредителенъ, что не оставляетъ и на этотъ счетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ. «Для того, говоритъ онъ, чтобы нанести ударъ утопизму, ставшему съ 60-хъ годовъ прочной литературной традиціей, необходимо было вернуться къ тѣмъ положеніямъ, которыя Боткинъ въ 40-хъ годахъ подхватилъ, но которыя не вошли въ оборотъ, потому что не подходили къ той общественности, куда попали» (61—2). Оказывается такимъ образомъ, что Боткинъ былъ въ Россіи если не родоначальникомъ, то первымъ предвозвѣстникомъ того новаго міровоззрѣнія, адептами котораго

*) Н. А. Бѣлоголовый, Воспоминанія и другія статьи, М. 1897, с. 639

Digitized by Google

выступаютъ г. Novus и его товарищи по журналу. Между Боткинымъ и ними, между 40-ми и 90-ми годами лежитъ одна цѣльная полоса, одна сплошная ошибка утопизма. Поставленная въ такомъ оригинальномъ освѣщеніи, фигура Боткина несомнѣнно пріобрѣтаетъ высокій интересъ. Попытаемся же присмотрѣться къ ней при благосклонной помощи г. Novus'а.

Исключительному положенію опередившаго свою эпоху пророка, въ какое авторъ ставитъ Боткина, соотвѣтствуютъ въ его представленіи и изъ ряду вонъ выходящія дарованія этого дѣятеля. По словамъ г. Novus'а, въ извѣстномъ кружкѣ московской интеллигенціи 40-хъ годовъ Боткинъ былъ «членомъ, послѣ Герцена, быть можетъ, самымъ даровитымъ» (50). Вполнѣ точное опредѣленіе степени даровитости писателя всегда, конечно, нѣсколько затруднительно, и все же только что приведенное утвержденіе можетъ показаться немного страннымъ. Г. Novus не останавливается и на немъ и продолжаетъ: «Этотъ острый критическій умъ далъ русской литературѣ гораздо меньше того, на что онъ былъ способенъ. Съ удивительной научной прозорливостью—безъ особенно напряженной работы мысли, а скорѣе благодаря какой-то геніальной интуиціи—онъ частью воспринималъ, частью, быть можетъ, предвосхищалъ важнѣйшія соціологическія обобщенія, до которыхъ дорабатывалась европейская наука въ лицѣ французскихъ соціалистовъ (Сенъ-Симона и сенъ-симонистовъ) и французскихъ историковъ и великихъ нѣмецкихъ теоретиковъ соціологіи Штейна и Маркса» (50). Острый критическій умъ, удивительная научная прозорливость, геніальная интуиція, усвоеніе важнѣйшихъ соціологическихъ обобщеній западной науки—не слишкомъ ли ужъ много всего этого для талантливаго диллетанта, какимъ былъ и остался въ теченіе всей своей жизни В. П. Боткинъ? И, во всякомъ случаѣ, крайне любопытно знать тѣ соображенія, на основаніи которыхъ ему отводится столь почетное мѣсто и приписываются столь блестящія качества. Постараюсь привести эти соображенія по возможности подлинными словами г. Novus'а. «Геніальныя прозрѣнія Боткина, замѣчаетъ онъ, разсыпаны большею частью въ его частныхъ письмахъ. Правда, и въ прославившихъ Боткина «Письмахъ объ Испаніи» (1845) встрѣчаются мѣста, въ которыхъ нельзя не увидѣть близкаго сходства со взглядами, высказанными въ частной корреспонденціи 40-хъ годовъ. Вотъ самое характерное изъ этихъ мѣстъ: «Ничто не служитъ такимъ вѣрнымъ барометромъ ступени просвѣщенія, на какой находится общество, какъ его политико-экономическое устройство и его политико-экономическія понятія, мѣры и распоряженія, и самое вѣрное изображеніе цивилизаціи какой-либо страны было бы описаніе ея экономическихъ отношеній и учрежденій» (50). Da ist der Hund begraben. Примѣръ «геніальнаго прозрѣнія», надо, однако, правду сказать, выбранъ г. Novus'омъ не совсѣмъ удачно. Въ книгѣ Бот-

Digitized by Google

кина есть два-три мѣста, которыя можно было, пожалуй, привести для той же цѣли съ нѣсколько бо́льшимъ успѣхомъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ протестъ Каталоніи противъ общаго закона о рекрутской повинности, замѣнившаго обычай платы за рекрутъ деньгами, объясняетъ тѣмъ, что «Испанія прежде всего страна муниципальныхъ привычекъ и особенностей», но затѣмъ прибавляетъ: «впрочемъ, у каталонцевъ... это выходитъ изъ физическаго положенія ихъ мануфактурной и промышленной страны, нуждающейся всего болѣе въ рабочихъ рукахъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ о невозможности серьезнаго революціоннаго движенія въ Испаніи: «Можно ли бояться изверженій народнаго волкана въ странѣ, гдѣ у самаго бѣднѣйшаго мужика есть всегда вдоволь хлѣба, вина и солнца, и гдѣ даже у нищаго есть на зиму и шерстяные штаны, и шерстяной плащъ! Вотъ почему здѣсь народъ такъ равнодушно смотритъ на политическія событія. Какъ нація, онъ безъ всякаго сомнѣнія безконечно выиграетъ отъ возрожденія Испаніи, но собственно какъ народъ, въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству, къ третьему сословію,—ясно, что не онъ именно здѣсь особенно нуждается въ освобожденіи. Если здѣсь что дѣйствительно страдаетъ, такъ это интересы средняго сословія—просвѣщеніе, торговля, промышленность». Еще въ одномъ изъ своихъ «Писемъ» Боткинъ такъ опредѣляетъ андалузца: «прогрессистъ онъ потому, что его торговые интересы требуютъ прежде всего неприкосновенности личности и собственности» *). Вотъ и всѣ мѣста данной книги, заключающія въ себѣ какія-либо замѣчанія о вліяніи экономическаго фактора на другія стороны жизни. Какъ видно изъ нихъ, это вліяніе въ глазахъ Боткина сводилось къ воздѣйствію экономическихъ порядковъ на политическія идеи и учрежденія, воздѣйствію, однако, далеко не всесильному. На первый взглядъ, приведенная г. Novus'омъ фраза Боткина имѣетъ болѣе широкое значеніе, но, увы, такъ можетъ показаться только на первый взглядъ, въ дѣйствительности же ея смыслъ едва ли не еще болѣе узокъ. Въ самомъ дѣлѣ, настоящій ея смыслъ можетъ быть понятъ только въ связи съ тою цѣпью мыслей, въ которой она составляетъ у Боткина лишь отдѣльное звено, и изъ которой ее произвольно вырвалъ г. Novus, увлекшись ея кажущимся общимъ значеніемъ. Попробуемъ возстановить этотъ смыслъ, не перепечатывая относящихся сюда страницъ книги Боткина. Онъ разсказываетъ объ испанской таможенной системѣ, о громадныхъ пошлинахъ съ ввозимыхъ товаровъ и тутъ-то ставитъ приведенную фразу, давая ей такое непосредственное продолженіе: «Политическая экономія, на которую романтики и люди феодальные смотрѣли, какъ на науку слишкомъ матеріальную, лавочную, какъ на науку торгашей,—въ наше время

*) Сочиненія В. П. Боткина. изданіе журнала «Пантеонъ Литературы», Спб. 1890, т. I, стр. 40—1, 75—6, 150.

Digitized by Google

стала наука государственнаго управленія, и Англія доказала высокую степень своей цивилизаціи особенно тѣмъ, что поставила законы политико-экономическіе въ основу своего государственнаго управленія. Какихъ, напримѣръ, результатовъ можетъ ожидать государство отъ такой таможенной системы, какъ испанская. Она поведетъ за собой сильное развитіе контрабанды и вслѣдствіе этого ущербъ государственныхъ доходовъ,... а въ конечномъ результатѣ всего этого стоячесть національныхъ фабрикъ»... Уже изъ этого отрывка можно видѣть довольно невинный въ соціологическомъ отношеніи характеръ данной фразы, но этого еще мало. «Впрочемъ, продолжаетъ Боткинъ свои разсужденія, эта страна феодальныхъ привычекъ, рыцарства и войны съ давнихъ поръ съ пренебреженіемъ смотрѣла на промышленность и торговлю». Такое пренебреженіе возникло благодаря многовѣковой борьбѣ съ маврами, во время которой каждый храбро бившійся мужикъ могъ сдѣлаться дворяниномъ и лишь «на народонаселеніе, которое, будучи перемѣшано съ маврами, занималось ремеслами, смотрѣли какъ на недостойное». «Презрѣніе къ торговлѣ имѣло ту же причину, какъ и презрѣніе къ промышленности. Потомки старыхъ христіанъ, — словомъ, гидальги презирали обычаи жидовъ и мавровъ». И далѣе Боткинъ разсказываетъ о мѣрахъ, въ силу этихъ «національныхъ предразсудковъ» принимавшихся противъ торговли и промышленности, предпосылая своему разсказу какъ бы въ видѣ общаго заключенія такое замѣчаніе: «можете себѣ представить, каково было, при такихъ общественныхъ понятіяхъ, положеніе промышленности и торговли въ Испаніи. Въ этомъ отношеніи исторія ея похожа на лѣтопись безумства, читая которую, едва вѣришь собственнымъ глазамъ» *). Изъ этихъ выдержекъ не трудно убѣдиться, что для Боткина экономическія идеи и учрежденія являлись не причиной, а признакомъ извѣстнаго состоянія цивилизаціи, вытекающей изъ національнаго характера, въ созданіи котораго играютъ немаловажную роль и внѣшнія условія. Въ другихъ случаяхъ Боткинъ намѣчалъ и иные признаки для сужденія объ исторіи народа. Заговоривъ объ арабахъ, онъ замѣчаетъ, что «арабская архитектура лучше всякой философіи исторіи объясняетъ судьбу этого народа» **), опять-таки потому, что въ ней сказался національный духъ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ трудовъ онъ указывалъ

*) Тамъ же, стр. 160—6.

**) Тамъ же, стр. 273 Считаю не лишнимъ оговориться, что данная книга Боткина, какъ извѣстно, и съ фактической стороны своей, и по отношенію ко взглядамъ, высказываемымъ въ ней, далеко не является вполнѣ самостоятельнымъ произведеніемъ. Такъ какъ эта сторона вопроса совершенно обойдена г Novus'омъ, то и я счелъ возможнымъ не останавливаться на ней, трактуя названную книгу какъ выраженіе взглядовъ, во всякомъ случаѣ раздѣлявшихся Боткинымъ, если и не всегда являвшихся его собственными «прозрѣніями».

Digitized by Google

на значеніе, какое религія имѣла въ жизни древнихъ народовъ, и тутъ же прибавлялъ, что «вѣрованія и миѳологія народа есть самое лучшее объясненіе и его свойствъ, и его исторіи» *). Эти строки взяты изъ статьи (о Фетѣ), написанной болѣе, чѣмъ черезъ десять лѣтъ послѣ «Писемъ объ Испаніи», когда нѣкоторые взгляды Боткина уже сильно измѣнились, но сами по себѣ они нисколько не противорѣчатъ отмѣченному выше взгляду: между миѳологіей и экономикой разстояніе не больше, чѣмъ между экономикой и архитектурой. Чтобы не узнать этого воззрѣнія на исторію, согласно которому политическіе и экономическіе порядки, миѳологія и искусство являются одинаково порожденіями національнаго характера, познающагося черезъ ихъ изученіе, и чтобы причислить сторонника такого воззрѣнія къ людямъ, воспринимавшимъ и предвосхищавшимъ важнѣйшія соціологическія обобщенія Маркса,—надо обладать немалою долею близорукости.

Но г. Novus находитъ, что «геніальныя прозрѣнія» Боткина были высказаны имъ не столько въ его печатныхъ трудахъ, сколько въ частныхъ письмахъ. Изъ послѣднихъ онъ указываетъ особенно на письмо къ Анненкову отъ 20 ноября 1846 г., написанное по возвращеніи автора письма изъ заграничнаго путешествія въ Петербургъ. Позволю себѣ для ясности привести весь цитируемый имъ отрывокъ изъ этого письма, не смотря на его величину. «Встрѣча моя—писалъ Боткинъ—съ нашими общими пріятелями была для меня необыкновенно пріятна и интересна. Изъ нихъ, разумѣется первое мѣсто принадлежитъ Бѣлинскому. Въ его понятіяхъ я нашелъ большую перемѣну, по моему мнѣнію, къ лучшему. Но я теперь еще больше убѣдился въ истинѣ того, что понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностію, въ которой поставленъ человѣкъ, а идеи, развиваемыя однѣми книгами, не повѣряемыя безпрестанно процессомъ общественнымъ, быстро улетучиваются въ отвлеченности, да, кромѣ того, принимаютъ еще колоритъ и комбинаціи той общественности, куда попадаютъ эти идеи. Опредѣленность и отчетливость, къ которымъ теперь всего болѣе стремится современный процессъ, здѣсь еще мало въ ходу этому, съ одной стороны, причиною нѣмецкія теоретическія идеи, а съ другой отсутствіе всякаго практическаго примѣненія. Какъ бы то ни было, а сила русской литературы теперь, главное, состоитъ въ единеніи. Идеологія (о, святители, какое густое и тяжелое тѣсто была эта идеологія!) послужила къ поднятію «Отечественныхъ Записокъ»; идеологія должна поднять и «Современникъ». Но въ этой идеологіи, къ счастью, совершилось движеніе, и послѣ долгаго скитанія по нѣмецкимъ пустотамъ она начала обращать свое вниманіе на практическій міръ, или, другими словами,—нашихъ друзей занимаетъ такая философія, которая имѣетъ

*) Тамъ же, т. II, стр. 359.

Digitized by Google

прямое отношеніе къ практическому міру. Остается только литературной критикѣ освободиться отъ своего Молоха—художественности. Это, къ сожалѣнію, пока единственное убѣжище ея. Но съ этой стороны разборъ Бѣлинскаго «Онѣгина», и особенно Татьяны, есть уже большой прогрессъ. Пока промышленные интересы у насъ не выступятъ на сцену, до тѣхъ поръ нельзя ожидать настоящей дѣльности въ русской литературѣ. Но я вру. Тогда какъ въ Англіи и Франціи литература есть зеркало нравовъ, у насъ она—наставительница. Вотъ почему вся сила ея заключается въ идеологіи. Двигаютъ массами не идеи, но просвѣщаютъ ихъ идеи» *). По поводу этого письма г. Novus не безъ нѣкотораго лиризма замѣчаетъ: «Отъ частнаго, не предназначеннаго для печати письма нельзя требовать послѣдовательности изложенія и стройности аргументаціи. Основная мысль Боткина, однако, ясна: *понятія, идеи совершенно обусловливаются общественностью; двигаютъ массами интересы, а не идеи* (курсивъ г. Novus'а)—вотъ его реалистическіе тезисы, которые не только для 40-хъ годовъ, но и для нашего времени звучатъ на русскомъ языкѣ новымъ и смѣлымъ словомъ» (51). Врядъ ли, однако, дѣло такъ ужъ ясно, какъ это кажется г. Novus'у. Въ письмѣ Боткина ясно, въ сущности, одно—рѣзко заявленный имъ протестъ противъ господствовавшей ранѣе въ русской литературѣ философской отвлеченности и оторванности отъ жизни. Все остальное подлежитъ еще большимъ толкованіямъ, особенно, если въ этомъ остальномъ видѣть выраженіе глубокихъ взглядовъ Боткина. Это не трудно и показать. Г. Novus между прочимъ вполнѣ довѣряетъ высказанному въ приведенномъ письмѣ протесту противъ «художественности» со стороны Боткина, будто бы опередившаго даже въ этомъ отношеніи Бѣлинскаго, и только замѣчаетъ, что позднѣе онъ отступился отъ этого мнѣнія. Но вотъ что мы читаемъ въ письмѣ Бѣлинскаго къ Боткину, написанномъ въ январѣ 1847 г. «Для меня иностранная повѣсть должна быть слишкомъ хороша, чтобы я могъ читать ее безъ нѣкотораго усилія, особенно вначалѣ; и трудно вообразить такую гнусную русскую, которой бы я не могъ осилить, а будь повѣсть русская хоть сколько нибудь хороша, главное—сколько-нибудь *дѣльна*—я не читаю, а пожираю... Ты—сибаритъ, сластена...—тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества—тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась диссертаціею... Будь повѣсть хоть разхудожественна, да если въ ней нѣтъ дѣла—то я къ ней совершенно равнодушенъ» **). Для тѣхъ, кто достаточно знакомъ съ безстрашною правдивостью Бѣлинскаго и съ не-

*) «Анненковъ и его друзья», СПБ., 1892, с. 520—1.
**) Пыпинъ, «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», II, 312—3.

Digitized by Google

обыкновенной воспріимчивостью «подсолнечника»—Боткина, врядъ-ли встрѣтится затрудненіе въ выборѣ между этими двумя разногласящими показаніями. Но если даже отказаться отъ предубѣжденія въ пользу Бѣлинскаго, то передъ нами остаются два лица, изъ которыхъ каждый уличаетъ другого въ стремленіи къ художественности, самъ отрекаясь отъ такого стремленія. Очевидно, дѣло не вполнѣ ясно. Это, впрочемъ, только иллюстрація. И тѣ «реалистическіе тезисы», за провозглашеніе которыхъ г. Novus такъ благодаренъ Боткину, едва ли вполнѣ ясно представлялись уму послѣдняго. Не идеи двигаютъ массами, а интересы,—это, повидимому, ясно, но вотъ въ цитированной уже выше статьѣ Боткина о Фетѣ, послѣ цѣлаго ряда комплиментовъ по адресу «практическаго направленія вѣка» и указаній на связь между экономическимъ благосостояніемъ и духовнымъ движеніемъ, мы читаемъ такія строки: «что бы ни говорили враги философскаго направленія и исключительные поборники матеріальныхъ интересовъ,—а общество человѣческое живетъ и движется только нравственными идеями» *). Правда, эта фраза отдѣлена отъ цитированнаго выше письма десятилѣтнимъ промежуткомъ времени, и, быть можетъ, за эти годы Боткинъ измѣнилъ свои мнѣнія и по данному вопросу. Поищемъ разъясненій поближе, такъ какъ разъясненія всетаки нужны. Идеи—говоритъ Боткинъ—не двигаютъ массами, но просвѣщаютъ ихъ. Какъ же это надлежитъ понимать? Въ «Письмахъ объ Испаніи», печатавшихся въ то же время, къ какому относится это письмо, есть одинъ эпизодъ, какъ бы разъясняющій такой вопросъ. Авторъ говоритъ о политическомъ положеніи Испаніи. «Глубоко—замѣчаетъ онъ—ошибаются тѣ, которые судятъ объ Испаніи по французскимъ идеямъ, по французскому общественному движенію. Кромѣ множества радикальныхъ различій, не должно забывать, что Франція была приготовлена 50 годами философской литературы. Въ Испаніи, послѣ писателей ея «золотого вѣка» въ продолженіе двухъ вѣковъ не было другой литературы, кромѣ проповѣдей духовенства, которое, конечно, всѣми силами старалось о поддержаніи стараго общественнаго устройства, въ которомъ само господствовало». Затѣмъ онъ указываетъ на другія причины, по которымъ «перевороты въ Испаніи не могутъ выйти изъ массъ»,—на сравнительную обезпеченность матеріальнаго положенія послѣднихъ и на характеръ народа, который «одаренъ удивительнымъ чувствомъ повиновенія» **). Просвѣтительная роль идей оказывается, такимъ образомъ, довольно близкою отъ роли самостоятельнаго фактора общественной жизни. При такихъ условіяхъ, кажется, приходится признать, что высокій пьедесталъ, со-

*) Сочиненія В. П. Боткина, II, 353—4.
**) Тамъ же, I. 57.

Digitized by Google

оруженный для Боткина усиліями г. Novus'a, не отличается большою прочностью.

Критику «Новаго Слова» этотъ пьедесталъ понадобился для особой цѣли, къ которой онъ наконецъ и подводитъ читателя. Напомнивъ недовольство Боткина Герценовскими «Письмами изъ Avenue Marigny» и приведя соотвѣтствующій отрывокъ изъ его письма къ Анненкову, кончающійся словами: «Дай Богъ, чтобы и насъ была буржуазія!», онъ съ немножко комичнымъ самодовольствомъ вопрошаетъ: «чѣмъ это лучше или хуже столь опороченнаго изреченія: «пойдемъ на выучку къ капитализму»? Г. Струве, вѣроятно, не подозрѣвалъ, что по существу онъ совершаетъ нѣкоторый плагіатъ у Боткина» (56). Признаться, нельзя позавидовать ни «плагіату» г. Струве, ни отысканному для него г. Novus'омъ союзнику. Г. Novus, повидимому, не подозрѣваетъ, что ему принадлежитъ только честь обращенія Боткина въ ученики Маркса, а о нерасположеніи Боткина и нѣкоторыхъ другихъ московскихъ друзей Герцена къ увлеченію послѣдняго соціализмомъ и движеніемъ пролетаріата на Западѣ не мало было писано въ нашей литературѣ. Какъ много наивности или, говоря словами г. Novus'a, «удивительной научной прозорливости» было въ «геніальныхъ прозрѣніяхъ» Боткина на этотъ счетъ,—можно видѣть уже изъ того, что въ Россіи онъ ждалъ поворота въ общественномъ развитіи отъ выступленія на промышленное поприще дворянства, тогда какъ купеческій классъ въ его глазахъ былъ «осужденъ безъ возврата на тучность и грубое невѣжество», а на Западѣ умилялся передъ робкимъ оппозиціоннымъ движеніемъ французской буржуазіи въ 1848 г., которое такъ мѣтко и безпощадно осудилъ Герценъ*).

Невольно напрашивается и еще вопросъ, почему все-таки г. Novus именно Боткина такъ выдвинулъ впередъ, признавъ его самымъ даровитымъ послѣ Герцена членомъ московскаго кружка. Не будемъ уже говорить о Грановскомъ, заслуживающемъ, пожалуй, болѣе пристальнаго вниманія, но Бѣлинскій то, кажется, во всякомъ случаѣ могъ бы претендовать на этотъ титулъ съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ Боткинъ. Не такъ думаетъ г. Novus и имѣетъ къ тому основаніе. «Бѣлинскій—говоритъ онъ—никогда не былъ сильнымъ философомъ и по своему философскому образованію онъ

*) Письма къ Анненкову отъ 20 ноября 1846 г. и 17 февраля 1848 г. см. сборникъ «Анненковъ и его друзья», с. 523 и 554. Вотъ относящійся сюда отрывокъ изъ послѣдняго письма: «Въ счастливое время, другъ мой, живете вы въ Парижѣ, я хочу сказать: въ интересное время. Мы здѣсь съ нетерпѣніемъ ждемъ журналовъ: чѣмъ разрѣшится этотъ знаменитый обѣдъ оппозиціи? Въ первый разъ послѣ 1830 года вопросъ поставленъ такъ твердо и конституціонно. Больно мнѣ все таки вспомнить при этомъ случаѣ о письмахъ Герцена о буржуазіи, за мои нападки на которыя вы въ послѣднемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ такъ мнѣ намылили голову». Самыя «нападки» см. тамъ же, с. 551.

Digitized by Google

безспорно уступалъ своему преемнику, который въ 1855 г. первый въ русской литературѣ воздалъ должное заслугамъ геніальнаго критика. Мы позволяемъ себѣ держаться такого мнѣнія, не смотря на... авторитетъ г. Чичерина» (58) Послѣдняя прибавка очень язвительна, и г. Novus'у надо было бы только дополнить ее хотя бы слѣдующимъ образомъ: «и не смотря на... авторитетъ другихъ писателей «Новаго Слова». Говорю это потому, что въ августовской книжкѣ почтеннаго журнала, въ статьѣ г. Каменскаго: «Судьбы русской критики», прочиталъ слѣдующее мѣсто: «Бѣлинскій былъ самой замѣчательной философской организаціей, когда-либо выступавшей въ нашей литературѣ» (21). И это не просто бѣгло брошенная фраза, а мысль, которую г. Каменскій развиваетъ въ цѣломъ рядѣ статей. Эти статьи его подъ приведеннымъ заглавіемъ начались въ апрѣльской книжкѣ «Н. Слова», той самой, въ которой была помѣщена и много разъ цитированная выше статья г. Novus'а. Въ іюлѣ г. Каменскій, возражая между прочимъ г. Волынскому, писалъ: «Бѣлинскій искалъ въ философіи пути къ счастью...—и, конечно, не къ личному счастью, а къ счастью своихъ ближнихъ, къ благу своей родной страны. На этомъ основаніи многіе вообразили, что онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ «философскаго таланта», и на него стали посматривать сверху внизъ, съ нѣкоторымъ снисходительнымъ одобреніемъ даже такіе люди, которые въ смыслѣ способности къ философскому мышленію недостойны были бы развязать ремень у ногъ его. Эти самодовольные господа забыли или не знали, что во время Бѣлинскаго пути къ общественному счастью искала въ философіи почти вся мыслящая Европа». Противопоставляя «этимъ самодовольнымъ господамъ» себя, г. Каменскій говорилъ: «мы полагаемъ, что Бѣлинскій былъ, одной изъ высшихъ философскихъ организацій, когда-либо выступавшихъ у насъ на литературное поприще» (18—19). Это, конечно, нѣсколько слабѣе того, что сказано г. Каменскимъ въ августѣ, но, во всякомъ случаѣ, какъ эти слова далеки отъ мнѣнія Novus'а. Противорѣчіе, по истинѣ, прискорбное для журнала, собравшагося давать своимъ читателямъ «ретроспективныя обозрѣнія и оцѣнки русской жизни». И тѣмъ болѣе прискорбное, что Бѣлинскимъ оно не ограничивается: Герцена, котораго г. Novus ставитъ даже выше Боткина, г. Каменскій считаетъ «блестящимъ, но поверхностнымъ» (Н. Сл., августъ, 11). Итакъ мы получаемъ двѣ схемы развитія русской мысли въ 40-хъ годахъ: по одной—впереди всѣхъ дѣятелей той поры стоялъ Герценъ, за нимъ слѣдовалъ Боткинъ съ его «геніальными прозрѣніями», а Бѣлинскій «не былъ сильнымъ философомъ»; по другой—Бѣлинскій былъ одной изъ высшихъ и даже высшей философской организаціей во всей нашей литературѣ, а Герценъ являлся поверхностнымъ мыслителемъ. Читатель видитъ теперь, почему я въ началѣ замѣтки сказалъ, что почтенный журналъ даетъ намъ даже не новое слово, а новыя

Digitized by Google

слова, и обилію этихъ новыхъ словъ, право, приходится лишь удивляться. Выходитъ нѣчто пикантное: г. Novus обращается съ убійственной ироніей къ г. Чичерину, не замѣчая, что задѣваетъ ею и своего ближайшаго сосѣда, г. Каменскаго; послѣдній, въ свою очередь, громитъ тяжелыми сарказмами побѣдную голову г. Волынскаго, попутно уничтожая ими г. Novus'а. И при этомъ г. Novus съ чувствомъ возвѣщаетъ о статьяхъ г. Каменскаго, а г. Каменскій ссылается на статью г. Novus'а, такъ что они какъ будто другъ друга читаютъ. Зрѣлище получается не то печальное, не то комическое.

Въ статьяхъ г. Каменскаго интересна, впрочемъ, не одна общая схема, даваемая ими, но и пріемы ея возсозданія, и способы аргументаціи автора. Это пріемы совершенно особые, выдѣляющіе даннаго писателя изъ толпы россійскихъ литераторовъ, и на нихъ стоитъ нѣсколько остановиться.

Въ первой же изъ ряда его статей, озаглавленныхъ: «Судьбы русской критики», имѣются слѣдующія строки: «консервативные выводы, сдѣланные Бѣлинскимъ изъ философіи Гегеля, будучи совершенно неправильны, въ то же самое время дѣлаютъ ему величайшую честь, показывая, что онъ былъ едва ли не самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ умовъ, когда-либо выступавшихъ у насъ на литературное поприще» (Н. Слово, апрѣль, 74). Г. Каменскій не только напечаталъ эту фразу, но и подчеркнулъ ее курсивомъ, очевидно, желая, чтобы читатель обратилъ на нее особое вниманіе. Не смотря на это, трудно отдѣлаться отъ впечатлѣнія, будто онъ этою фразою хотѣлъ лишь подшутить надъ читателемъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы Бѣлинскій сразу сдѣлалъ изъ философіи Гегеля не «совершенно неправильные», а совершенно правильные выводы, неужели это свидѣтельствовало бы о слабости его ума? Онъ могъ слишкомъ узко понять исходныя точки даннаго міросозерцанія и сдѣлать изъ нихъ логически правильные, но односторонніе и, слѣдовательно, въ конечномъ итогѣ невѣрные выводы — и неужели опять-таки именно эта ошибка, сама по себѣ взятая, а не освобожденіе изъ-подъ ея власти, даетъ намъ право говорить о необыкновенной силѣ ума великаго критика? И еслибы Бѣлинскій на всю жизнь остался при «консервативныхъ выводахъ», то называлъ ли бы его теперь г. Каменскій самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ умовъ, выступавшихъ у насъ на литературное поприще? Лишь внимательно вчитываясь въ статьи г. Каменскаго, можно наконецъ убѣдиться, что приведенная фраза не шутка, не обмолвка даже, а одинъ изъ главныхъ тезисовъ автора, старательно защищаемый имъ на протяженіи длиннаго ряда страницъ. Присмотримся же поближе къ этому любопытному тезису.

Внѣшнимъ поводомъ для появленія названныхъ статей послужила книга г. Волынскаго: «Русскіе критики», съ авторомъ которой г. Каменскій и ведетъ неустанную полемику, обличая его въ не-

Digitized by Google

знаніи Гегеля и въ непониманіи Бѣлинскаго. Для насъ и напыщенныя вѣщанія г. Волынскаго, и сердитыя внушенія, дѣлаемыя ему критикомъ «Н. Слова», не особенно интересны, и я оставлю всю эту полемику въ сторонѣ, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ. Одного крупнаго эпизода въ этой полемикѣ намъ неизбѣжно предстоитъ коснуться, такъ какъ онъ имѣетъ весьма близкое отношеніе къ новому слову, изобрѣтенному г. Каменскимъ. По словамъ послѣдняго, «г. Волынскаго очень удивляетъ временное примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью. Онъ можетъ объяснить его только тѣмъ, что Бѣлинскій плохо понялъ Гегеля. Сказать по правдѣ, такое объясненіе не ново. Его можно найти и въ «Быломъ и Думахъ» Герцена, и въ воспоминаніяхъ И. С. Тургенева, и даже въ одномъ письмѣ Н. Станкевича къ Невѣрову, написанномъ почти тотчасъ по появленіи знаменитыхъ статей о Бородинѣ и о Менцелѣ» (Н. Слово, іюль, 2). Особо ставитъ г. Каменскій взглядъ на Бѣлинскаго г. Михайловскаго и приводитъ изъ его статьи «Прудонъ и Бѣлинскій» слѣдующее мѣсто: «Пройдетъ много лѣтъ, смѣнится много критиковъ и даже критическихъ пріемовъ, но нѣкоторые эстетическіе приговоры Бѣлинскаго останутся во всей силѣ. Но за то только въ этой области Бѣлинскій и находилъ для себя почти непрерывный рядъ наслажденій. Какъ только эстетическое явленіе осложнялось философскими и нравственно-политическими началами, такъ чутье правды болѣе или менѣе измѣняло ему, между тѣмъ какъ жажда оставалась все та же, и это-то и дѣлало изъ него того великомученика правды, какимъ онъ выступаетъ въ своей перепискѣ». По поводу этого отзыва г. Каменскій отъ себя заключаетъ, что подъ указанное общее мѣрило долженъ подходить и періодъ увлеченія Бѣлинскаго гегелевской философіей, который, «какъ видно, не вызываетъ въ г. Михайловскомъ ничего, кромѣ жалостливаго участія къ «великомученику правды», да еще, можетъ быть, чувства негодованія противъ «метафизики», но уваженіе относится *только* къ правдивости Бѣлинскаго, а что касается философскихъ и нравственно-политическихъ идей, тогда имъ высказанныхъ, то г. Михайловскій не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ «вздора» (ib., 3—4). Среди этихъ разсужденій внезапно разыгравшаяся фантазія рисуетъ г. Каменскому цѣлую картину, какъ наши «передовые» писатели пугаютъ порожденнымъ «метафизикой» «паденіемъ» Бѣлинскаго «молодыхъ писателей, непочтительныхъ Коронатовъ литературы, осмѣливающихся усомниться въ правильности нашего «передового» катехизиса и обращающихся къ иностраннымъ источникамъ съ цѣлью лучшаго уясненія себѣ вопросовъ, волнующихъ современное цивилизованное человѣчество» (2—3). Картина выходитъ немножко лубочная, но яркая; нехорошо, пожалуй, только то, что она совершенно фантастическая, и что это прекрасно знаетъ самъ г. Каменскій. Затѣмъ онъ подводитъ итоги существовавшимъ до него воззрѣніямъ на отношеніе Бѣлинскаго

Digitized by Google

къ философіи Гегеля. Взглядъ г. Михайловскаго «по существу... одинаковъ съ взглядомъ г. Волынскаго. Разница только въ томъ, что, по мнѣнію г. Михайловскаго, примиреніе «навѣяно» было Гегелемъ, а по мнѣнію г. Волынскаго, заимствованному имъ у Станкевича, Герцена, Грановскаго, Тургенева и другихъ, Гегель былъ въ этомъ примиреніи совершенно непричемъ, но оба они твердо убѣждены въ томъ, что примирительные взгляды Бѣлинскаго представляютъ одну сплошную ошибку». Самъ же г. Каменскій, въ противоположность всѣмъ перечисленнымъ имъ лицамъ, думаетъ, что «въ теченіе примирительнаго періода своего развитія, именно въ области «нравственно-политической», Бѣлинскій высказалъ много мыслей, не только вполнѣ достойныхъ мыслящаго существа (какъ выражается гдѣ-то Байронъ), но до сихъ поръ заслуживающихъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ тѣхъ, которые хотятъ найти правильную точку зрѣнія для оцѣнки окружающей насъ дѣйствительности» (ib., 4). Разъясняя свою точку зрѣнія, г. Каменскій указываетъ, что теоріи XVIII вѣка о господствѣ человѣческаго разума надъ событіями въ началѣ XIX столѣтія, подъ вліяніемъ французской революціи, замѣнились идеей о законосообразности историческаго процесса, необходимо приводящаго къ свободѣ, причемъ наилучшимъ выраженіемъ этой идеи явилась діалектическая философія Гегеля. Понимая ходъ исторіи, какъ безпрерывное развитіе всемірнаго духа, порождающаго все новыя идеи и отыскивающаго для нихъ новыя формы, эта философія служила настоящей «алгеброй прогресса». «Но — продолжаетъ авторъ—философія Гегеля была не только діалектической системой. Она объявляла себя также системой абсолютной истины. Но если абсолютная истина уже найдена, то цѣль всемірнаго духа—самопознаніе—уже достигнута, и его движеніе впередъ лишается всякаго смысла. Такимъ образомъ претензія на обладаніе абсолютной истиной должна была привести Гегеля въ противорѣчіе съ его собственной діалектикой и поставить его во враждебное отношеніе къ дальнѣйшимъ успѣхамъ философіи. Но это еще не все. Она должна была сдѣлать изъ него консерватора и по отношенію къ общественной жизни» (ib., 10). Этотъ абсолютный характеръ, приданный Гегелемъ своей философіи, и это консервативное ея настроеніе наиболѣе полно выразились въ позднѣйшихъ трудахъ знаменитаго философа, особенно въ его «Philosophie des Rechts». Поэтому, «если ученіе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго многими понято было совершенно неправильно, то въ этомъ былъ виноватъ прежде всего онъ самъ, придавъ ему очень странное, совсѣмъ не діалектическое истолкованіе и провозгласивъ воплощеннымъ разумомъ тогдашній прусскій общественный порядокъ» (13). Что касается Бѣлинскаго, то для него, увлекавшагося ранѣе фихтіанствомъ, усвоеніе гегеліанскихъ идей было не регрессомъ, а большимъ шагомъ впередъ, такъ какъ онѣ вывели его съ почвы абстрактныхъ идеаловъ на точку

Digitized by Google

зрѣнія закономѣрнаго развитія народной жизни. Но при этомъ онъ усвоилъ именно абсолютную систему Гегеля и потому перешелъ отъ либерализма къ «консервативнымъ выводамъ». Однако «этотъ новый взглядъ былъ обязанъ своимъ происхожденіемъ не тому, что Бѣлинскій будто-бы плохо понялъ Гегеля, а, наоборотъ, что онъ вполнѣ усвоилъ себѣ духъ той гегелевой философіи, которая выразилась въ предисловіи въ «Philosophie des Rechts» (26—7). При этомъ вся разница между нимъ и Гегелемъ сводится къ тому, «что «неистовый Виссаріонъ» горячится гораздо больше, чѣмъ спокойный нѣмецкій мыслитель, а потому и доходитъ до такихъ крайностей, до какихъ не договаривался Гегель» (27). Съ теченіемъ времени самъ Бѣлинскій понялъ свою ошибку и увидѣлъ необходимость развить идею отрицанія, не находившую себѣ мѣста въ абсолютной системѣ (августъ, 7, 11 и слѣд.); сдѣлавъ это, онъ не пересталъ, однако, быть гегеліанцемъ, а лишь перешелъ на почву истинной, діалектической философіи Гегеля.

Я умышленно изложилъ взгляды г. Каменскаго безъ всякихъ комментаріевъ съ своей стороны и жду теперь, что читатель спроситъ: неужели все это и въ самомъ дѣлѣ ново, а не повторялось въ литературѣ уже десятки разъ? Г. Каменскій увѣренъ въ новизнѣ своихъ сообщеній и утверждаетъ, будто до него одни (Герценъ, Станкевичъ, Грановскій, Тургеневъ «и другіе») объясняли примиреніе Бѣлинскаго съ дѣйствительностью его непониманіемъ Гегеля, другіе (г. Михайловскій) находили, что это примиреніе было «навѣяно» Гегелемъ, и всѣ видѣли во взглядахъ Бѣлинскаго за этотъ періодъ «одну сплошную ошибку». Не будемъ, однако, полагаться на его утвержденія и попробуемъ провѣрить ихъ. Раскрываемъ «Былое и Думы» и читаемъ: «Гегель во время своего профессората въ Берлинѣ, долею отъ старости, а вдвое отъ довольства мѣстомъ и почетомъ, намѣренно взвинтилъ свою философію надъ земнымъ уровнемъ и держался въ средѣ, гдѣ всѣ современные интересы и страсти становятся довольно безразличны, какъ зданія и села съ воздушнаго шара; онъ не любилъ зацѣпляться за эти проклятые практическіе вопросы, съ которыми трудно ладить, и на которые надобно было отвѣчать положительно. Насколько этотъ насильственный и неоткровенный дуализмъ былъ вопіющъ въ наукѣ, которая отправляется отъ снятія дуализма, легко понятно. Настоящій Гегель былъ тотъ скромный профессоръ въ Іенѣ, другъ Гелдерлина, который спасъ подъ полой свою феноменологію, когда Наполеонъ входилъ въ городъ; тогда его философія не вела ни къ индійскому квіетизму, ни къ оправданію существующихъ гражданскихъ формъ». Разсказавъ объ окончаніи примирительнаго періода у Бѣлинскаго, тотъ же авторъ прибавляетъ: «Бѣлинскій вовсе не оставилъ вмѣстѣ съ одностороннимъ пониманіемъ Гегеля его философію. Совсѣмъ напротивъ» (т. VII, с. 124—5, 134). Стало быть, о существованіи противорѣчія у самого Гегеля, о «дуализмѣ» его фи-

Digitized by Google

лософіи, не сразу замѣченномъ Бѣлинскимъ, было извѣстно и до г. Каменскаго, и авторъ «Былого и Думъ» вовсе не помышлялъ обвинять Бѣлинскаго въ совершенно произвольныхъ выводахъ, въ которыхъ Гегель будто бы былъ не причемъ. За то въ этихъ выводахъ всѣ видѣли лишь «одну сплошную ошибку», проповѣдь квіетизма. А между тѣмъ, «сближеніе съ «дѣйствительностью», совершаемое подъ вліяніями Гегеля,—какъ бы оно ни было отвлеченно, было уже шагомъ впередъ въ сравненіи съ прежними уклоненіями отъ всякаго подобнаго сближенія». И даже «если одно время Бѣлинскій былъ защитникомъ общественнаго status quo, его мнѣнія всетаки не были квіетизмомъ. Въ самомъ крайнемъ развитіи этого бытового консерватизма были столь сильные идеальные запросы, что настоящіе защитники общественной неподвижности никогда бы не могли назвать его своимъ». Это, однако, говоритъ намъ не г. Каменскій, а много раньше его писавшій г. Пыпинъ *), и такимъ образомъ въ открытіяхъ перваго писателя по этому пункту врядъ ли опять-таки была серьезная нужда. Но вотъ г. Михайловскій,—онъ-то ужь прямо заявляетъ, что примиреніе было лишь «навѣяно» Гегелемъ на Бѣлинскаго, и что всѣ мнѣнія послѣдняго за этотъ періодъ были «философскимъ вздоромъ». И это не совсѣмъ-то такъ: хотя поставленныя въ ковычки выраженія и имѣются въ названной статьѣ г. Михайловскаго: «Прудонъ и Бѣлинскій», но они слишкомъ ужъ произвольно вырваны и истолкованы суровымъ критикомъ. Въ первыхъ же строкахъ упомянутой статьи авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ сравнивать не мнѣнія, а личности Прудона и Бѣлинскаго. Затѣмъ, характеризуя Бѣлинскаго, онъ отмѣчаетъ, что въ первый періодъ своей жизни Бѣлинскій впадалъ въ крайность «дикой вражды къ общественнымъ порядкамъ во имя абстрактнаго идеала общества», а въ слѣдующемъ перешелъ въ другую крайность безусловнаго оправданія всякой дѣйствительности, причемъ авторъ прибавляетъ: «перемѣна эта совершилась подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, постепенно овладѣвавшей Бѣлинскимъ». Въ третьемъ періодѣ своего развитія послѣдній остановился на идеѣ человѣческой личности, отказавшись отъ примиренія съ дѣйствительностью **). Любопытно сопоставить эту схему съ той, которую даетъ самъ г. Каменскій: «если Бѣлинскій въ первой фазѣ своего развитія жертвовалъ дѣйствительностью ради идеала, а во второй идеаломъ ради дѣйствительности, то въ третьей и послѣдней фазѣ онъ стремился примирить идеалъ съ дѣйствительностью посредствомъ идеи развитія, которая дала бы идеалу прочное основаніе и превратила бы его изъ абстрактнаго въ конкретный» (августъ, 13). Остается, кажется, спросить словами одного изъ героевъ Успенскаго: по какому случаю шумъ?

*) Бѣлинскій, его жизнь и переписка, I, 225, 114—5.
**) Сочиненія Н. К. Михайловскаго, Спб. 1897, III, 640, 672, 676—8.

Digitized by Google

Бѣда въ томъ, что г. Михайловскій, приведя одно изъ наиболѣе любопытныхъ писемъ Бѣлинскаго за время его «примирительнаго» настроенія—именно, отъ 7 августа 1837 г.—и характеризуя это письмо, какъ «настоящую святыню, вполнѣ очевидную даже для самаго грубаго глаза, если только онъ хоть разъ въ жизни напрягался, вглядываясь въ даль, чтобы найти тамъ правду», вмѣстѣ съ тѣмъ позволилъ себѣ сказать по поводу этого письма слѣдующее. «Больной, нищій, въ завтрашнемъ днѣ не увѣренный, Бѣлинскій съ невозмутимымъ спокойствіемъ объясняетъ, что все идетъ къ лучшему, и что философія даетъ такое счастье, какого толпа и не подозрѣваетъ, и какого внѣшняя жизнь не можетъ ни дать, ни отнять. Со стороны смѣшно, если хотите, дико, нелѣпо, фикція, иллюзія, обманъ, ложь, но очевидно, что самъ Бѣлинскій въ ту минуту, дѣйствительно, обладалъ такимъ счастьемъ, потому что глубоко вѣрилъ, что навѣянный на него философскій вздоръ есть правда» *). Этого г. Каменскій простить не можетъ. Кажется, ясно, что слова: «философскій вздоръ» не относятся ко всѣмъ мнѣніямъ Бѣлинскаго, но г. Каменскому подумать объ этомъ некогда, онъ уже шумитъ и мечетъ ироническія стрѣлы, и открываетъ новыя слова.

Мы, въ самомъ дѣлѣ, подошли опять къ новому слову г. Каменскаго о Бѣлинскомъ, отчасти намъ уже знакомому. Оно заключается въ томъ, что для Бѣлинскаго совершенно неизбѣжно было увлеченіе такъ называемымъ правовѣрнымъ гегеліанствомъ со всѣми его крайностями, такъ какъ только это ученіе давало стройную теорію развитія общественной жизни, теорію, передъ которой оказывались несостоятельными всѣ другія. Съ этой точки зрѣнія онъ не видитъ большого грѣха и въ тѣхъ крайностяхъ, до которыхъ доходилъ Бѣлинскій въ эпоху примиренія, и хотя отмѣчаетъ, что его оптимизмъ доходилъ до «величайшихъ наивностей», но находитъ для этихъ наивностей полное оправданіе, и притомъ не только въ характерѣ ихъ автора. Усвоивъ абсолютную философію Гегеля, «Бѣлинскій вдругъ почувствовалъ подъ собою надежную почву и... въ теченіе нѣкотораго времени глазами эпикурейца посматривалъ на окружающую его дѣйствительность, предвкушая блаженство ея философскаго познанія. И какъ тутъ было не сердиться на «маленькихъ великихъ людей», которые своими—*пора признать это* (курсивъ г. Каменскаго)—въ теоретическомъ отношеніи совершенно неосновательными разглагольствованіями мѣшали предаться спокойному и радостному наслажденію неожиданно открытымъ сокровищемъ истины?» (Н. Сл., авг., 4). «Маленькіе великіе люди» или, иначе, «извѣстные, но не славные люди»—это термины самого Бѣлинскаго, и вотъ что писалъ онъ въ статьѣ «Менцель, критикъ Гете» о французской литературѣ, которая представлялась ему въ ту пору ареною дѣйствій именно этого разряда людей. «Теперь ея произведенія—буй-

*) Тамъ же, 674.

Digitized by Google

ное безуміе, которое, обоготворивъ неистовство животныхъ страстей, выдаетъ, подобно Гюго, Дюма, Эжену Сю, мясничество за трагедію и романъ, а клеветы на человѣческую натуру за изображеніе настоящаго вѣка и современнаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что представляетъ нынѣшняя французская литература?.. Г-жа д'Юдеванъ, или извѣстный, но отнюдь не славный Жоржъ Зандъ, пишетъ цѣлый рядъ романовъ, одинъ другого нелѣпѣе и возмутительнѣе, чтобы приложить къ практикѣ идеи сенъ-симонизма объ обществѣ. Какія же это идеи? О, безподобныя!—именно: индюстріальное направленіе должно взять верхъ надъ идеальнымъ и духовнымъ; должно распространиться равенство не въ смыслѣ христіанскаго братства, которое и безъ того существуетъ въ мірѣ со времени первыхъ двѣнадцати учениковъ Спасителя, а въ смыслѣ какого-то масонскаго или квакерскаго сектанства; должно уничтожить всякое различіе между полами, разрѣшивъ женщину на всятяжкая и допустивъ ее наравнѣ съ мужчиною къ отправленію гражданскихъ должностей, а главное — предоставивъ ей завидное право мѣнять мужей по состоянію своего здоровья... Необходимый результатъ этихъ глубокихъ и превосходныхъ идей есть уничтоженіе священныхъ узъ брака, родства, семейственности, словомъ совершенное превращеніе государства сперва въ животную и безчинную оргію, а потомъ—въ призракъ, построенный изъ словъ на воздухѣ» *) Къ сожалѣнію, и по недостатку мѣста, и по инымъ соображеніямъ я не могу привести здѣсь другихъ «наивностей» Бѣлинскаго, направленныхъ противъ «маленькихъ великихъ людей», протесты которыхъ г. Каменскій, надо полагать, тоже призналъ бы совершенно неосновательными въ теоретическомъ отношеніи. Но я убѣдительно прошу читателя просмотрѣть какъ упомянутое выше письмо Бѣлинскаго въ книгѣ г. Пыпина, такъ и статью о Менцелѣ и рецензіи на «Очерки Бородинскаго сраженія» и «Бородинскую годовщину», и особенно обратать вниманіе на страницы 216—224. 242 и 265—9 третьяго тома сочиненій Бѣлинскаго (въ изданіи 1859 г.). Мысли, которыя онъ тамъ встрѣтитъ, не менѣе ясно, чѣмъ приведенная выдержка, покажутъ ему, не было ли въ возрѣніяхъ великаго критика въ данную пору доли «философскаго вздора» и правъ-ли былъ онъ самъ, говоря впослѣдствіи, что его развитіе совершалось «страшными зигзагами». Г. Каменскій находитъ, что именно такой ходъ развитія былъ неизбѣженъ. Приходится, конечно, признать его неизбѣжнымъ, уже по тому одному, что онъ былъ, но еще вопросъ, гдѣ искать причины этой неизбѣжности. Онъ былъ неизбѣженъ для Бѣлинскаго, какъ конкретной личности, съ его лихорадочнымъ нетерпѣніемъ овладѣть истиной, съ его страшнымъ пыломъ бойца и пропагандиста, быстро развивающаго всѣ логическія послѣдствія разъ схваченной идеи.

*) Сочиненія Бѣлинскаго, М. 1859, ч. III, с. 304—5.

Digitized by Google

Но въ исторіи мысли это было крупной ошибкой, и Бѣлинскій былъ ближе къ правдѣ, когда съ свойственными ему безстрашіемъ и рѣзкостью называлъ нѣкоторыя послѣдствія этой ошибки не наивностями, а «мерзостями». Это можно признать, не посягая на нравственное достоинство Бѣлинскаго и не пытаясь отрицать серьезнаго и во многомъ благотворнаго вліянія на умственное развитіе какъ его самого, такъ и значительной части русскаго общества, гегеліанскихъ идей.

При помощи идей гегеліанства г. Каменскій объясняетъ, между прочимъ, и одинъ частный фактъ въ исторіи мнѣній Бѣлинскаго, именно измѣненіе въ его взглядахъ на буржуазію, которое обнаружилось у него незадолго до смерти, и слѣды котораго остались въ его письмѣ къ Анненкову отъ 15 февраля 1848 г. Бѣлинскій, ранѣе преданный всецѣло идеямъ соціализма, теперь писалъ: «мой вѣрующій другъ и наши славянофилы сильно помогли мнѣ сбросить съ себя мистическое вѣрованіе въ народъ. Гдѣ и когда народъ освободилъ себя? Всегда и все дѣлалось черезъ личности. Когда я въ спорахъ съ вами о буржуазіи называлъ васъ консерваторомъ, я былъ оселъ въ квадратѣ, а вы были умный человѣкъ. Вся будущность Франціи въ рукахъ буржуазіи, всякій прогрессъ зависитъ отъ нея одной, а народъ тутъ можетъ по временамъ играть пассивно-вспомогательную роль. Когда я при моемъ вѣрующемъ другѣ сказалъ, что для Россіи теперь нуженъ новый Петръ Великій, онъ напалъ на мою мысль, какъ на ересь, говоря, что самъ народъ долженъ все для себя сдѣлать. Что за наивная, аркадская мысль! Послѣ этого отчего же не предположить, что живущіе въ русскихъ лѣсахъ волки соединятся въ благоустроенное государство, заведутъ у себя сперва абсолютную монархію, потомъ конституціонную и наконецъ перейдутъ въ республику? Пій IX въ два года доказалъ, что значитъ великій человѣкъ для своей земли. Мой вѣрующій другъ доказывалъ мнѣ еще, что избави-де Богъ Россію отъ буржуазіи. А теперь ясно видно, что внутренній процессъ гражданскаго развитія въ Россіи начнется не прежде, какъ съ той минуты, когда русское дворянство обратится въ буржуазію. Польша лучше всего доказала, какъ крѣпко государство, лишенное буржуазіи съ правами. Странный я человѣкъ! Когда въ мою голову забьется какая-нибудь мистическая нелѣпость, здравомыслящимъ людямъ рѣдко удается выколотить ее изъ меня доказательствами: для этого мнѣ непремѣнно нужно сойтись съ мистиками, пістистами и фантазерами, помѣшанными на той же мысли—тутъ я и назадъ. Вѣрующій другъ и славянофилы наши оказали мнѣ большую услугу» *).

Г. Каменскій даетъ этому письму такое толкованіе. Бѣлинскій долженъ былъ встрѣтиться въ Парижѣ съ крайними мнѣніями рус-

*) Анненковъ и его друзья, СПБ. 1892, с. 611.

Digitized by Google

скихъ людей насчетъ будущей роли Россіи въ рѣшеніи соціальнаго вопроса и съ свойственнымъ ему чутьемъ теоретической истины подмѣтить ихъ полную отвлеченность. «Въ старомъ гегельянцѣ должна была опять заговорить давно знакомая ему и издавна мучившая его потребность связать идеалы съ жизнью... и вотъ онъ ставитъ будущую судьбу Россіи въ зависимость отъ ея экономическаго развитія» (Н. Слово, августъ, 20). Натянутость и недостаточность такого объясненія, ясныя съ перваго взгляда, могли зависѣть и отъ того,—по крайней мѣрѣ, отчасти, —что г. Каменскому данное письмо извѣстно только по книгѣ г. Пыпина, гдѣ изъ него выпущено нѣсколько характерныхъ фразъ. Г. Novus зналъ его въ полномъ видѣ и, хотя и называетъ его «однимъ изъ интереснѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ обнаруженій западническаго духа», но вмѣстѣ съ тѣмъ впадаетъ по поводу его въ недоумѣніе, которое, въ концѣ концовъ, и разрѣшаетъ открытіемъ, что авторъ письма «никогда не былъ сильнымъ философомъ». И г. Каменскому, и г. Novus'у дорогъ въ этомъ письмѣ, въ сущности, лишь призывъ въ Россію буржуазіи, но первый изъ нихъ почти не замѣчаетъ цѣлаго цикла идей, связанныхъ съ этимъ призывомъ, второй же плохо въ нихъ разбирается *). По взгляду Бѣлинскаго, исторію дѣлаютъ личности, а не массы,—«личности, свободныя отъ роковыхъ опредѣленій, подъ тяжестью которыхъ коснѣютъ массы», какъ пояснилъ бы историкъ той поры. Подобная личность можетъ явиться въ роли правителя государства и могучимъ толчкомъ двинуть впередъ его развитіе. Вообще же такія личности скорѣе всего могутъ выходить изъ среды обезпеченнаго и просвѣщеннаго класса, какъ это и подтверждалъ, повидимому, примѣръ западно-европейскихъ городовъ.—Не находя соотвѣтствующихъ условій въ жизни русскаго дворянства и русскаго купечества, отдѣльно взятыхъ, Бѣлинскій уже въ силу настойчивыхъ ожиданій могъ, наконецъ, «ясно увидѣть» готовящееся превращеніе русскихъ дворянъ въ буржуазію. Къ тому же самому, какъ мы видѣли, пришелъ и Боткинъ, и это бросаетъ любопытный свѣтъ на характеръ его «реалистическихъ тезисовъ». Во всемъ этомъ было не мало наивнаго, но, пожалуй, еще болѣе наивно цѣпляться теперь за одинъ членъ символа вѣры, остальныя части котораго давно опровергнуты и основательно забыты.

Г. Струве нѣкогда «искренно желалъ» будущему историку «народничества» «сочетать въ себѣ добросовѣстность и безпристрастіе объективнаго изслѣдователя съ литературнымъ талантомъ Тэна». Не знаю, найдется ли въ будущемъ такой историкъ, но несомнѣнно то, что историки стараго западничества, выступившіе въ «Н. Словѣ», плохо удовлетворили требованіямъ, предъявлявшимся почтеннымъ авторомъ «Критическихъ замѣтокъ».

---

*) «Вопросъ о культурномъ значеніи буржуазіи—говоритъ г. Novus—спутывается у него (Бѣлинскаго) съ вопросомъ о роли личности въ исторіи, хотя логической связи между ними нѣтъ» (Н. Слово, апрѣль, 57).

Digitized by Google

Показавъ, по мѣрѣ силъ, характеръ «новыхъ словъ о старыхъ дѣятеляхъ» и пріемы, при помощи которыхъ эти слова создаются, я могу считать свою задачу оконченной, но мнѣ не хочется оставить перо, не сказавъ еще нѣсколькихъ словъ, связанныхъ съ тою же темой. Въ сентябрьской книжкѣ «Н. Слова» читатель можетъ найти статью г. Иванова «Плохая выдумка», посвященную роману г. Боборыкина: «По другому». Авторъ этой статьи указываетъ на все, — мягко выражаясь, — неудобство чисто внѣшняго описанія борьбы различныхъ направленій, соединеннаго съ искаженіемъ ихъ настоящаго существа. О г. Боборыкинѣ остается вмѣстѣ съ авторомъ этой статьи сказать: виноватъ, но можно прибавить: заслуживаетъ снисхожденія. Заслуживаетъ снисхожденія потому, что самъ онъ для обоихъ взятыхъ имъ направленій человѣкъ посторонній, сердце его объ нихъ не болитъ, а описалъ онъ ихъ такъ же, какъ описываетъ все, что онъ видитъ или о чемъ слышитъ и что кажется ему интереснымъ и подходящимъ къ сезону. Но что сказать о самомъ «Н. Словѣ», въ августовской и сентябрьской книжкахъ котораго помѣщена построенная по тому же самому пріему повѣсть г. Чирикова: «Инвалиды»? Главный герой этого разсказа — Крюковъ является въ рекомендаціи автора человѣкомъ вполнѣ опредѣленнымъ, хотя эта опредѣленность достигается исключительно при помощи наклеиваемыхъ на него ярлычковъ: перечня книгъ, какія онъ читалъ въ юности, сообщенія, что онъ «присоединился къ программѣ дѣятельности по формулѣ: «все для народа и все посредствомъ народа», «былъ подхваченъ волною движенія» и т. п. Послѣ двадцатилѣтнихъ странствій и знакомствъ съ инородцами Крюковъ вернулся на родину. «Вернулся онъ съ какими-то фантастическими надеждами, планами и замыслами, съ горячею вѣрою въ свое прежнее дѣло и съ непреодолимымъ желаніемъ начать все съизнова». Для этого человѣка съ ярлыкомъ авторъ находитъ два дѣла: составить артель рабочихъ на желѣзной дорогѣ, которая, конечно, сейчасъ-же и рушится, и попытаться обмануть инженера, у котораго онъ нашелъ мѣсто и который поручилъ ему заключить мировую сдѣлку съ отцомъ убитаго на дорогѣ крестьянина. Не отказываясь отъ порученія, Крюковъ уговариваетъ крестьянина не брать предложенныхъ инженеромъ на мировую 300 р., а требовать судомъ 1.000 р. Обманъ обнаруживается, и Крюковъ долженъ покинуть мѣсто, на желѣзной дорогѣ. Онъ — и писатель, но писаніемъ своимъ просуществовать не можетъ и потому беретъ мѣсто корректора при газетѣ въ нѣкоемъ городкѣ. Здѣсь онъ въ домѣ своего бывшаго университетскаго товарища встрѣчается съ его родственникомъ, молодымъ студентомъ—«марксистомъ», уѣхавшимъ въ эту далекую провинцію, и со второго слова они начинаютъ говорить другъ другу непріятности, а съ третьяго—обмѣниваются ругательствами. Измученный работой, тоской и послѣднимъ оскорбленіемъ, Крюковъ заболѣваетъ, и товарищъ-врачъ отвозитъ

Digitized by Google

его въ больницу. Скажите на милость, неужели это живой человѣкъ, а не деревянная маріонетка, двигающаяся по волѣ автора, неужели это исторія, а не плохой анекдотъ? Въ качествѣ анекдота все, конечно, возможно, но вѣдь въ видѣ анекдота возможны и тѣ эпизоды, которые происходятъ съ героями романа г. Боборыкина. За что же «Н. Слово» сердится тогда на почтеннаго романиста? Или разсказъ г. Чирикова тоже — новыя слова о старыхъ дѣятеляхъ? Плохо же будетъ, если много придется такихъ словъ выслушивать. Нельзя не сказать однако, что такія слова тоже не болѣе, какъ своего рода «плохая выдумка». Надо думать, впрочемъ, что найдутся и люди, которымъ такая выдумка очень понравится, именно потому, что она мало соотвѣтствуетъ той дѣйствительности, которую якобы изображаетъ. По крайней мѣрѣ, «Русскій Вѣстникъ» поторопился привѣтствовать выдумку «Н. Слова», разыгравъ при этомъ на данную почтеннымъ журналомъ тему и кое-какія собственныя варіаціи. Тотъ насмѣшливый тонъ несомнѣннаго превосходства, который усвоило себѣ «Н. Слово» по отношенію къ 70-мъ годамъ, не менѣе хорошо удается и «Р. Вѣстнику». Герой повѣсти г. Чирикова—говоритъ послѣдній журналъ — запоздалый «семидесятникъ», сумѣвшій какимъ-то чудомъ донести до нашего времени цѣлыми и несокрушенными, не смотря на рядъ горькихъ разочарованій, тогдашніе «модные» идеалы о преобразованіи человѣчества и достиженіи всеобщаго благополучія путемъ организаціи артелей и кустарныхъ промысловъ». «Въ общемъ — продолжаетъ «Р. Вѣстникъ» свои назидательныя размышленія — повѣсть эта затрогиваетъ одну изъ самыхъ печальныхъ сторонъ русской жизни, къ счастью, теперь уже отошедшую въ область прошлаго: она подводитъ жизненные итоги лицъ, лучшіе годы которыхъ протекли подъ вліяніемъ умственнаго и нравственнаго шатанія. Такіе люди (какъ герой повѣсти) не могли выбраться ни на какую настоящую дорогу, не сумѣли сдѣлаться полезными ни себѣ, ни другимъ, потому что шли впередъ, не видя передъ собою цѣли, и всю свою жизнь пробродили въ заколдованномъ кругѣ отвлеченныхъ формулъ и фразъ». По мнѣнію журнала, 70-е годы были для русской интеллигенціи эпохою рабства передъ фразой, причемъ «эта новая форма рабства утвердила свое владычество надъ всѣми тѣми, кто не имѣлъ подъ ногами твердой почвы. А такихъ было много. Большинство изъ нихъ погибли въ борьбѣ, не имѣя ни силъ, ни воли, чтобы побѣдить, и только нѣкоторые, жалкіе остатки влачатъ свое искалѣченное существованіе, въ тягость себѣ и другимъ. Изъ этой именно категоріи и взяты авторомъ герои его повѣсти,— эти печальные и блѣдные призраки минувшаго прошлаго» (Р. Вѣстникъ, ноябрь, с. 358—60). Къ основной темѣ «Н. Слова» «Р. Вѣстникъ» кое-что добавилъ отъ себя, но всетаки — какое трогательное единеніе двухъ журналовъ и какъ умилительно наблюдать его въ наши времена, казалось бы, не очень располагающія къ

Digitized by Google

согласію. Писатели «Н. Слова» послѣднее время почему-то расположены находить большое сходство между своими шутками и шутками «Свистка» или «свистуновъ». Признаться, мнѣ шутки «Н. Слова» гораздо болѣе напоминаютъ остроты стараго «Русскаго Вѣстника» надъ авторомъ «Полемическихъ красотъ». Но это вопросъ особый, а пока любопытно было бы узнать, когда именно «Современникъ» и «Свистокъ» такъ успѣшно попадали въ унисонъ съ «Р. Вѣстникомъ» начала 60-хъ годовъ, какъ это удалось «Н. Слову» по отношенію къ «Р. Вѣстнику» нашихъ дней? Если компанія, въ какой очутился почтенный журналъ, и не совсѣмъ пріятна, то нельзя сказать, чтобы она была совсѣмъ незаслужена. Читатель пойметъ, быть можетъ, что, говоря объ этомъ трогательномъ единеніи, я ограничиваюсь указаніемъ факта, такъ какъ не имѣю достаточно силы назвать его настоящимъ его именемъ, хотя и имѣлъ бы, можетъ статься, достаточно воли для этого.

В. Мякотинъ.

Литература и жизнь.

О народничествѣ, діалектическомъ матеріализмѣ, субъективизмѣ и проч.— О страшной силѣ г. Novus'а, о моей робости, и о нѣкоторыхъ недоразумѣніяхъ.—Н. Н. Златовратскій.

Для многихъ было бы, вѣроятно, очень удобно, еслибы существовало только два цвѣта—черный и бѣлый, или только двѣ страны свѣта, напримѣръ, сѣверъ и югъ, или только взаимно перпендикулярныя линіи и т. п. Въ этой фантастической скудости красокъ, линій, очертаній жить было бы гораздо скучнѣе, чѣмъ въ нашей теперешней пестротѣ и сложности, но за то гораздо легче было бы оріентироваться. Наши предки называли всѣхъ европейцевъ нѣмцами, и еслибы это представленіе объ иностранцахъ, какъ о людяхъ одинаковаго происхожденія, языка, вѣроисповѣданія, соотвѣтствовало истинѣ, то, конечно, этнографія была бы чрезвычайно легкой наукой, равно какъ и языковѣдѣніе, исторія и проч. Но затѣмъ открылось, что среди «нѣмцевъ» есть и настоящіе нѣмцы-колбасники, и легкомысленные французы, и итальянцы-шарманщики, и гордые испанцы, и рыжіе и коварные англичане. Еще шагъ, и мы узнали, что не всѣ нѣмцы колбасники, не всѣ англичане коварны и рыжи, не всѣ французы легкомысленны. Еще дальше открылось, что не только между французами существуютъ люди весьма серьезные и глубокомысленные, а между англичанами—прямодушные, но что тѣ и другіе, равно какъ и нѣм-

Digitized by Google